

**Росинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

Persona Nota: Курт Воннегут
**Литературное расследование к 90-летию со дня рождения,
5-тилетию со дня смерти американского писателя**

Курт Воннегут (11.11.1922-11.04.2007) - один из самых известных американских прозаиков XX века, автор многочисленных романов (*«Сирены Титана»*, *«Колыбель для кошки»*, *«Бойня номер пять»*, *«Галапагосы»*, *«Мать Тьма»* и другие), а также рассказов, эссе и пьес.

Что еще мы знаем о нем?

То, что писатель сыграл маленькую эпизодическую роль (самого себя) в комедии 1986 года с Родни Дэнжерфилдом в главной роли. Фильм называется - *«Снова в школу»*. Главный герой фильма нанимает Курта Воннегута для написания реферата на тему творчества писателя. Позже преподаватель отвергает работу, утверждая, что автор ничего не понимает в творчестве Курта Воннегута.

Знаем, что Воннегут появляется в эпизодической роли прохожего в экранизации собственного романа *«Мать тьма»*. Что упомянут в песне *«Частушки»* **Александра Васильева** (группа «Сплин»): *«...Я - космонавт, я - Курт, я - Воннегут...»*

И еще знаем то, что писал **Сергей Довлатов** писал в своих *«Записных книжках»*: *«С Гором Видалом, если не ошибаюсь, произошла такая история. Он был в Москве. Москвичи стали расспрашивать гостя о Воннегута. Восхищались его романами. Гор Видал заметил: «Романы Курта страшно проигрывают в оригинале...»»*

Но мало, кто знает, что пацифист Курт Воннегут воевал, был в плену, что усыновил четверых приемных детей и вообще, при всей своей внешней «несерьезности», был очень - очень добрым человеком.

Есть масса интересных эпизодов в биографии Курта Воннегута, к которым хотелось бы прикоснуться и узнать, например, о том, почему его мать покончила самоубийством, а старший сын Марк попал в психиатрическую лечебницу. Почему от него ушла жена Джейн, с которой он прожил двадцать лет, и как он мог преподавать и читать лекции студентам, не имея диплома о высшем образовании?

Поклонникам творчества Воннегута интересно в этом человеке все, даже тот факт, что он родился левшой, однако с раннего детства его переучили в правшу. И уже почти к пятидесяти годам, переехав из большого города, Воннегут заметил, что левой рукой с топором он управляется лучше, чем правой. Тогда старший брат рассказал ему историю с переучиванием, до того времени бывшую для писателя неизвестной.

Давайте вместе с читателями библиотеки **«Фолиант» МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** попробуем почитать биографию писателя более внимательно. Возможно, после проведенного в библиотеке вечера - портрета *«Добрый человек по имени Курт Воннегут»*, посвященного 90-летию со дня рождения знаменитого американского прозаика, его книги снова станут популярными.

Итак...

Никудышный отец? Несерьезная личность?

- Да, представьте, у меня нет высшего образования. Так и напишите: у Курта Воннегута нет высшего образования, и он нисколько этого не стыдится. После войны меня как ветерана взяли в Чикагский университет на отделение антропологии. И я опозорился на защите диплома с забавным названием *«Добро и зло в сказочных сюжетах»*.

Все профессора проголосовали «против». Удивляться тут нечему. Я написал свою работу всего за две ночи, решив, что большего тема не стоит. На этом поставил жирную точку в своем образовании, - увлеченно рассказывал Курт журналисту. Тот, смеясь, с удовольствием строчил в блокноте. В комнату просунулась аккуратно причесанная, с седеющими прядями голова жены. Извинившись, Воннегут вышел в коридор. Джейн стала совать ему в руки телефонную трубку:

- Поговори ты, я ничего не понимаю. Что-то случилось с Марком!

Марк был их старшим сыном. Воннегут взял трубку. Вежливый голос сообщил, что Марк Воннегут, двадцати двух лет, находится в психиатрической клинике в Торонто в критическом состоянии. У молодого человека начались галлюцинации, и его подруга Вирджиния вызвала врачей.

Несколько дней спустя Воннегут не спеша возвращался из Канады. Глазел по сторонам на равнины, потом их сменили вермонтские леса. Курт курил одну сигарету за другой и пытался размышлять. Утешить Джейн нечем. Марк в неважном состоянии. Его держат на уколах, а стоит их отменить - у парня сносит крышу: он слышит голоса инопланетян! Ни больше, ни меньше.

Честно говоря, Воннегут и сам охотно послушал бы, что сообщают пришельцы! Но эти садисты в белых халатах не дают пообщаться! И Марк весь трясется, как желе, вместо того чтобы слушать и записывать! Вот бы у Курта были «голоса»! Он бы их использовал на полную катушку, а так приходится доить свое жидкое воображение.

Ладно, шутки в сторону. Врачи говорят: случай у Марка тяжелый, он может задержаться в лечебнице до конца жизни. Такие дела... Наверное, он, Курт, и впрямь никудышный отец. Может, правда его «несерьезная личность», как говорит жена, виновата в несчастье сына?

Перед школьными собраниями учителя неловко шептали детям Воннегута: мол, вашему папе лучше не приходиться, пусть лучше мама... Усевшись за школьной партой в роли родителя, Курт чувствовал себя мальчишкой, и ему хотелось шалить. Тем более что школа с довоенных времен не сильно изменилась: преподают такую же чепуху, которая никогда не пригодится.

- Зачем моим сыновьям, а уж девчонкам тем более, знать наизусть столицы всех штатов? - интересовался Курт у учителя географии. *- Разве, если уж очень приспичит, нельзя открыть энциклопедию?*

Он никогда не скрывал от детей, каким был сам разгильдяем, когда учился. А все потому, что отец силком заставил Курта поступить в Корнельский университет на ненавистный факультет биохимии: якобы перспективная специальность! Но за годы учебы, кроме формул воды и спирта, Курт не запомнил ни одной.

Он был пьян уже в пять часов дня, еще до того как в его общежитскую клетушку набивались друзья-приятели. Играли в «интеллектуальные» игры, между прочим: кто быстрее и больше опрокинет в глотку дешевого виски, прыгая вокруг своей оси на одной ноге, и из кого потом быстрее это выльется наружу.

Джейн бесилась: зачем Курт морочит детям головы этими рассказами? *«Я хочу быть с ними честен!»* - обычно отвечал он. Но если послушать Джейн, выходит, что честным людям нельзя иметь детей.

Иногда утром Курт подмигивал детям, и тайком от матери они вместо школы шли на пристань. Катались на катере и наблюдали за кувыркающимися в воде дельфинами.

И вот самым впечатляющим результатом такого воспитания стало то, что Марк подался в хиппи, бросил бостонский колледж и уехал в Канаду, где собрал вокруг себя коммуну из таких же, как он, «детей цветов». Это Курт-то цветок! Юнцы баловались травкой, балдели под музыку, вдруг у сына случился этот срыв с «голосами»...

В штате Массачусетс, уже въехав на шестую дорогу, ведущую к мысу Код, где жили Воннегуты, Курт резко остановил машину. Пса Сэма, который сопровождал его во

всех поездках, уговаривать прогуляться не пришлось. Стоя на берегу океана, Воннегут швырял в воду мелкие камешки - «пек блины», как говорили в его детстве.

Сэм с восторженным лаем бросался в воду за добычей, но камешки тонули перед самым его носом. Он обиженно поворачивался к хозяину: мол, зачем обманываешь? Тогда Воннегут бросил палку, и пес, сумев ее ухватить, радостно приплыл обратно и гордо бросил на землю перед Куртом. Сэм отчаянно вилял хвостом, чтобы хозяин заметил и оценил его усердие. Воннегут наклонился и дружески похлопал пса по загривку: *«Молодец, дружище, молодец! Хорошо работаешь!»*

Мы тебя считали психом, а ты взял и стал знаменитостью!

Он и сам бы не прочь подставить загривок своим близким, чтобы и его похлопали вот так же: мол, молодец, Курт, как работаешь, а? Кто бы мог подумать, что ты, лентяй и сибарит, способен на такие подвиги! Мы-то все считали тебя просто чудачком, ну, если честно, психом тебя считали. А ты вдруг взял и стал знаменитостью.

- *Понимаешь, Сэм, - говорил Курт собаке, когда они неторопливо тронулись дальше, - я ведь сам никак не ожидал, что моя новая книга вдруг так понравится. Черт их разберет, читателей этих!*

Полгода назад, весной 1969 года, роман Курта Воннегута **«Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»** неожиданно стал бестселлером даже по оценке такого придирчивого и снобистского журнала, как **«New Yorker»**. До этого его книги, взять хотя бы **«Утопию-14»**, или **«Мать Тьму»**, или **«Сирены титанов»**, распродавались вроде бы неплохо, но критики упорно делали вид, что Воннегут - третьеразрядный писателишка-фантаст, каких сотни.

И вдруг с «Бойней» Курт выстрелил в десятку. Ясно, что пособило время: война во Вьетнаме довела нацию до остервенения и нервного срыва одновременно, а его книга - против такого преступного развлечения правительства, как война. И молодежь, эти патлатые бездельники, бунтари-пацифисты, поклонники джаза и марихуаны, вроде его старшего сына, вдруг приняли Воннегута как своего в доску. Перечитали заодно все его предыдущие романы и объявили новым Марком Твенном.

Медные трубы, или Ваш рецепт редьки от кашля

Однако новый статус Воннегута вовсе не пришелся по вкусу Джейн. Они больше двадцати лет вместе, и жене, как теперь выясняется, гораздо больше нравилось, когда Курт был никому не нужен и писал в стол. По крайней мере, Джейн могла его жалеть и считать неудачником и фантазером. А теперь на ровном месте из него сделали гуру. Словно он в этом виноват!

У Джейн перекашивается лицо, когда не смолкающая ни на секунду телефонная трубка голосами ведущих журналистов и телевизионщиков страны консультируется с Воннегутом по всем мировым вопросам.

«Скажите, мистер Воннегут, что вы думаете по поводу высадки Армстронга на Луну?», «...а по поводу убийства Кеннеди? А Лютера Кинга?», «Какой приказ вы посоветовали бы отдать командующему американскими вооруженными силами во Вьетнаме?», «Ваш рецепт семейного счастья?», «Ваш рецепт воспитания детей?», «Ваш рецепт редьки от кашля?»

Ей-богу, до маразма доходит! Бедняга Джейн вдруг сделала открытие, что она живет не с умеренным алкоголиком и неумеренным лодырем, а с государственным человеком, знатоком всего и вся. Свихнешься тут, ясное дело!

Курт тоже не без греха: крылья у него не растут, но он никогда и нигде не утверждал обратное. Его стали приглашать в Нью-Йорк на различные светские тусовки, пару пьес даже взяли ставить на Бродвее. Курт любил во время репетиций сидеть в зале.

Его пьесы, как правило, режиссеры уродовали, но зато Воннегут любовался хорошенькими актрисами, а потом приглашал их прогуляться, в ресторан, туда-сюда...

Когда ты просто долговязый тощий мистер Х. в очках, с сигаретой в плохих зубах, хотя и с пышной шевелюрой, зачем ты нужен мисс Миннелли или мисс Лэнг? А вот если ты автор пьесы, с тобой пойдет любая. Ну, или почти любая. Только одного Курт не учел: в жизни знаменитостей есть свои издержки - за ними охотится пресса. И после того как Джейн несколько раз наткнулась в журналах на фотографии мужа в обнимку с бродвейскими красотками, Курт познал, так сказать, изнанку славы. Отношения супругов стали стремительно портиться.

Временные трудности - кризис середины жизни

Воннегут поднялся по шаткой скрипучей лестнице на третий этаж старого деревянного дома. Заглянул в свою спальню, в спальни детей. Где Джейн? Где **Нанетт**? Их младшая пятнадцатилетняя дочь - единственная из шестерых детей еще жила с родителями; все остальные разъехались учиться.

- *Ау, Джейн, Нанетт! Где вы?* - крикнул Воннегут.

Никого. Очень хотелось есть. Он спустился в столовую, достал из морозилки куриные крылья. Ну, и гадость! Далеко на таких не улетишь и сыт ими тоже не будешь. Но больше есть нечего. С тех пор, как дом опустел, и они остались втроем, Джейн охладела к готовке и пичкает их готовыми полуфабрикатами. А раньше с удовольствием возилась на кухне и в саду, сама закупала провизию, кормила птичек, животных и детей.

Наскоро закусив и смешав мартини с водкой - его любимый коктейль, Воннегут расположился в гостиной у телевизора. И вдруг заметил на журнальном столике небольшое письмо: *«Нанетт уехала в Нью-Йорк, хочет быть моделью! Не удивлюсь, если это твоя работа. Сказала, что в школу не вернется! Я подробно консультировалась по телефону с профессором клиники, где лежит Марк (поскольку тебе не доверяю), и он мне признался, что наш сын неизлечим. Также я случайно узнала от общих знакомых из Индианаполиса про твою мать. Стыдись: ты сломал жизнь мне и детям. Красуйся дальше. Не хочу тебя больше видеть. Дж.»*

- *Ну, дела! Поздравляю вас, знаменитый писатель Воннегут!* - вслух иронично сказал Курт. - *Вы достигли славы, и потом вас бросила жена, сын сошел с ума, а дочь, возможно, уже пошла по рукам. Это серьезный итог жизни, как сказал бы мой отец, очень серьезный!*

Прошел день, два, неделя... Джейн не возвращалась и не звонила, и Курт чувствовал: дело дрянь. Он бодрился, обеспокоенным детям сказал, что у них с мамой *«временные трудности - кризис середины жизни»*, но он в любом случае будет держать их в курсе. При этом старался вести себя, как всегда: писал, слонялся по берегу, играл в мини-гольф со знакомыми подростками - в большой гольф Курт играть так и не научился.

Первая учительница

Трезвонил телефон. Его приглашали на обед в нью-йоркскую писательскую ассоциацию, новый знакомый, режиссер **Фрэнсис Коппола**, звал в гости, потом журналисты из какой-то крупной бостонской газеты навязались с интервью.

-... *Кого я считаю своим учителем в литературе?* - задумчиво переспросил Курт, стараясь спрятать за стеклами очков унылый взгляд. - **Фиби Хэрти**. Не слышали про такую? Очень зря. Это мать моего школьного приятеля Билла.

...Этой даме было тогда около сорока, Курту - шестнадцать. Он был влюблен в нее, к сожалению, платонически, и обычно нес в присутствии миссис Хэрти полную околесицу. Мать Билла хоть и была богата, тем не менее, работала: остроумно и толково

вела колонку *«Советы влюбленным»* в городской газете «Indianapolis Time», а заодно сочиняла рекламу для местного универмага.

Курт навсегда запомнил придуманную однажды Фиби рекламу для осенней распродажи соломенных шляп: *«За такую цену вы можете даже пропустить свою шляпу через лошадь и удобрить ею розы»*. Можно сказать, что Фиби навсегда задала стиль всем последующим произведениям Воннегута.

Как известно, он позднее тоже зарабатывал непочтительными высказываниями обо всем на свете. Именно миссис Хэрти научила его грязным анекдотам, непристойным шуткам и мужской гордости за неразборчивую сексуальную жизнь.

«Для мальчиков чем больше - тем здоровее», - вот как Фиби к этому относилась. Они с Биллом перетаскали к ней в дом всех своих девчонок, зная, что всегда могут рассчитывать на надежно запертую спальню, где их никто не побеспокоит. Да-да, можете не сомневаться, Курт точно так же поступает со своими детьми. Он им в самом нежном возрасте выложил и откуда берутся дети, и как сделать так, чтобы «аист» их не приносил; но поскольку детей у него целых шестеро, то можете себе представить: порой их дом напоминал бордель. Жена с ума сходила. Но это ведь лучше, чем в грязи, под кустом, без презерватива.

Его наставница Фиби оказалась полнейшим антиподом его родителей. Те вечно были озабочены приличиями и обожали пускать пыль в глаза. Курт с детства это ненавидит.

Закономерные итоги родительского воспитания

Для начала родители пытались делать вид, что все еще богаты. Когда в 1922 году он появился на свет, Воннегуты считались миллионерами. Забавно: Курт, у которого часто не было ни гроша за душой, из семьи миллионеров! Но дед по матери, **Альберт Либер**, был самым крупным пивоваром в Индианаполисе, этаким бонвиван из новой аристократии, а дед по отцу - **Бернард Воннегут** - стал первым дипломированным архитектором в том же городе и открыл самую большую архитектурную фирму.

Отец Курта - его полный тезка - тоже был архитектором. По происхождению Воннегуты - немцы, и старшее поколение семьи все еще говорило на родном языке. Но после Первой мировой войны Воннегуты стали стесняться своих немецких корней. И родители уже шипели на стариков, которые привычно переходили на немецкий.

В школах Индианаполиса немецкий язык и литературу, как и всю немецкую культуру, вычеркнули из программы. Словно нет такой страны - Германии. Смешно...А спустя совсем недолгое время немец Курт Воннегут будет воевать против немцев.

Как бы то ни было, но родителям жутко не повезло. Курту сравнялось всего семь, когда чудовище под названием Великая депрессия подмяло под себя страну. Из-за сухого закона после Первой мировой производство пива приносило одни убытки и семье Воннегут пришлось от него отказаться.

Рухнула и вторая статья доходов: никому больше не требовались архитекторы, поскольку у людей не было денег на строительство. Отец Курта уныло сидел без работы, зарабатывая гроши гончарным ремеслом. Только позже Курт понял, почему отец был таким несчастным, издерганным человеком, позволял матери вить из себя веревки и не смел подать голоса, - он считал себя ничтожеством, не имея возможности работать по специальности.

Маленький Курт, конечно, не понимал, почему в их трехэтажном особняке сначала было пять слуг и три горничные, не считая кухарки, садовника и парадного лакея, а потом вся эта вышколенная гвардия начала понемногу таять. В конце концов, семейство Воннегут осталось лишь с одной кухаркой, и всякий раз, когда приходили гости, мать, закатывая глаза, сетовала, что обе горничные *«задержались в отпуске в деревне»*.

Как стеснялись родители, что его, младшего отпрыска, пришлось отдать в самую простую публичную школу - там учили бесплатно! Наверное, поэтому Курт и вырос таким шалопаем. Но зато мать продала все семейные драгоценности - и бриллиантовое ожерелье, и усыпанный голубыми сапфирами браслет, и крупные золотые подвески с изумрудами, чтобы по крайней мере Элис, старшая сестра Курта, училась в самой дорогой и престижной частной школе.

Курт таскал в дом школьных приятелей из простых семей, и те за обедом долго тарасились на орнамент из трех вилок и трех ножей вокруг тарелки, после чего принимались есть руками; ребята беззаботно ковыряли в носу и клали локти на стол. Миссис Воннегут ахала, закрывала лицо руками, а потом часами пилила Курта, внушая, что он должен общаться только с людьми, умеющими пользоваться столовыми приборами.

В результате ее воспитания Курт не гнушается притащить домой пьянчугу-оборванца из соседнего бара, а бездомные со всей округи считают его лучшим другом. Когда Джейн изредка уезжает навестить родных, Курт пускает бродягу погреться и переночевать в подвальной комнате.

В общем, в своей собственной жизни Курт сделал все, чтобы только не повторить родителей. Отчасти им назло на втором курсе Корнельского университета, когда Америка уже воевала с Германией, Италией и Японией, Курт, провалив все экзамены, записался в армию.

Трамвай смерти

.. Звонок в уличную калитку теперь заставлял Курта вздрагивать, хотя это совершенно обычное дело. Но вдруг вернулась Джейн? А в доме такой бардак, невымытая посуда до потолка и шеренга бутылок. Он вышел во двор: оказалось - это почтальон, здоровый краснощекий детина по имени Джимми. Отец двоих сыновей.

- *Привет, Курт. Вот тут тебе, как всегда, гора, небось, все читатели пишут. А знаешь*, - заговорщицки произнес Джимми, - *моего Тома призвали, а он сбежал: не буду воевать, и все тут. Мать-то как рада!*

Засунув руки в карманы, Курт уселся во дворе на прочную дубовую скамейку - ее сделал один из сыновей. Такой ли он никчемный отец и человек, если благодаря его пагубному влиянию и влиянию его легкомысленных книг - он передразнил Джейн - книг сына этого самого Джимми не убьют во Вьетнаме? Теперь правительство хочет сделать пушечное мясо из его детей. А Курт против этого. Вот, собственно, и все.

Его сыновья выросли законченными пацифистами. Это плохо? Родители Курта в свое время одобрили патриотическое желание сына идти на фронт.

... Двадцатидвухлетний охламон Курт Воннегут в декабре 1944 года оказался разведчиком при 106-й пехотной дивизии. Единственное сражение, в котором довелось ему участвовать, произошло в Бельгии, где отступающие немцы напоследок выжимали из себя все, что могли.

Рядовой Воннегут не помнит боя, только оглушительные разрывы снарядов, от которых хотелось заткнуть уши и бежать куда глаза глядят прямо по насквозь простреливаемому окопному полю. Просвистевшая рядом пуля прошила руку, и от боли он потерял сознание. Очнулся в каком-то тухлом барачке.

И вот уже Курт вместе с другими пленными в вонючих теплушках едет на восток, в Германию. На родину своих предков. Поезд с военнопленными прибыл в Дрезден. В ранних сумерках вырисовывались очертания этого сказочного города: шпили, кирхи, нарядные цветные трех-четырёхэтажные дома и голубоватый игрушечный снег, падавший на всю эту красоту, - такие картинки Курт в детстве видел в своих немецких книжках.

«*Страна Оз!*» - потрясенно произнес он, тарасясь по сторонам. В ответ его ударили прикладом, и Курт опомнился.

Большинство немецких городов к этому времени уже разбомбили, Дрезден не тронули. Тут работало паровое отопление, были открыты театры и рестораны, даже зоопарк! В Дрездене не было никакой серьезной промышленности и военных баз, в основном, город производил лекарства, консервы и сигареты.

Пленных привели к зданию бывшей бойни для свиней. Его имя записали в толстый гроссбух лагеря для военнопленных и выдали железную бирку, на которой был выбит его номер. Курта с другими заключенными ежедневно доставляли на фабрику по производству солодового спирта. Они привыкли к далеким разрывам бомб и не обращали на них ни малейшего внимания. Все были уверены, что такое архитектурное сокровище, как Дрезден, никто не тронет.

Но 13 февраля 1945 года рано утром, еще до того как пленных успели отправить на фабрику, раздался сигнал воздушной тревоги. Чтобы не бежать далеко, Курт, несколько его товарищей и двое немецких охранников быстро спустились в подвал скотобойни, где находились морозильные камеры и все еще висели свиные туши. Сколько они там просидели, Курт не знает. Когда поднялись наверх, на город уже спускались сумерки.

Осмотревшись, пленные застыли от ужаса: город был выжжен дотла, их окружала смерть... Всю следующую неделю Курт с другими заключенными разгребали завалы на месте бывших зданий и убежищ. Убежище выглядело как *«трамвай, полный людей, у которых одновременно случился сердечный приступ. Люди просто сидели на скамьях, но при этом все они были мертвы»*.

В парках, свободных от обломков, немцы разжигали гигантские костры, на которых сжигались сотни и сотни трупов. Этим и занимался Курт. Он уже не испытывал никаких эмоций – ни ужаса, ни страха, ни ненависти... Курт выполнял свою работу как робот.

В апреле Дрезден заняли советские войска, и уже через месяц он вернулся домой в Америку, в Индианаполис. Потом Курт узнал, что в тот роковой день в результате бомбежки Дрездена союзниками погибли сто тридцать тысяч человек. Американцы долгие годы скрывали от своих граждан истинные размеры бедствия в Дрездене...

Вынося сотнями трупы и кидая их в погребальные костры, Воннегут понял: жизнь очень дешевая и очень хрупкая штука. Добиваться призрачных целей: положения в обществе, возвращения богатства - смешно. У тех людей в дрезденских «трамваях смерти» тоже были амбиции и мечты...

После войны Курт напоминал долговязую тощую тряпичную куклу, которую качает на ветру. Ему необходимо было вылечиться от военных воспоминаний и почувствовать твердую почву под ногами. Он вернулся домой, но дома фактически уже не существовало. Вернее, их деревянный дом стоял на прежнем месте, но в нем теперь обитало только испуганное привидение - отец. Старший брат **Бернард** уехал учиться, сестра **Элис** вышла замуж и жила в Нью-Джерси. Мать... Вот это и есть неприглядная тайна Воннегутов, которую двадцать лет спустя кто-то «по доброте душевной» открыл его жене, как он понял из письма Джейн.

Послевоенный синдром или дурная наследственность?

15 мая 1944 года, когда Курт приехал домой на побывку, **Эдит Воннегут** покончила с собой, выпив яд, который она каким-то образом раздобыла в аптеке. Но знакомым сказали, что миссис Воннегут умерла от сердечной недостаточности.

Курт знал упрямый характер матери. Скорее всего, она покончила с собой, потому что поняла: прежняя жизнь никогда не вернется, их ждет бедность, а все ее дети выросли неудачниками.

Единственная дочь Элис, на которую мать возлагала особые надежды, мечтая, что та выйдет за богача и все такое, во время войны выскочила замуж за обаятельного парня

без гроша за душой - **Джона Адамса**. Эдит не остановило даже то, что дочь собиралась через месяц родить.

Может, все это и означает душевную болезнь - Курт не знал. Но Джейн теперь обвиняет его в том, что он скрыл от нее плохую наследственность. Да не до того было! Смерть матери для Курта вплелась в гигантскую вереницу смертей, которые он видел вокруг, он словно ослеп тогда и не чувствовал ни отчаяния, ни боли. Иначе бы он кончил в том же месте, где сейчас Марк. Кстати, некоторые его выжившие военные товарищи до сих пор не покидают психбольниц.

..С Джейн они поженились в сентябре 1945-го. А знакомы были с пеленок: Джейн училась в одном классе с сестрой Курта, Элис, и была пухленькой, миловидной и очень рассудительной молодой особой. Правда, ей не хватало романтичности, но после войны Курт куда больше нуждался в основательности.

Однако разница характеров быстро стала заметна. Джейн полагала: надо упорно работать, чтобы добиться положения в обществе. Курт устроился было рекламным агентом в крупную чикагскую компанию «Дженерал электрик», но быстро понял, что быть послушным *«винтиком и шурупчиком»* с девяти до шести он не в состоянии - раз. И вообще считает это преступным по отношению к своей единственной скоротечной жизни - два.

Открытие Америки

Да, его отцом сам факт наличия работы приравнивался к божьей благодати, но он-то другой! Его поддержала старая приятельница Фиби Хэрти:

- Ты ведь неплохо пишешь, Курт? И любишь это?

Для Воннегута это стало настоящим открытием Америки: он послал к чертям «Дженерал электрик» и, несмотря на отчаянные протесты Джейн, самозабвенно бросился в сочинительство рассказов. И вот удача: рассказы стали охотно печатать иллюстрированные женские журналы. Они просили побольше вульгарности - так этого у Воннегута было хоть отбавляй.

Заодно Курт открыл в себе параллельный талант охмурения хорошеньких редакторш. Красотой он не блистал - тощий, длинный, с вытянутой шеей и слишком большой головой, зато умел смешить, сыпал анекдотами и разыгрывал из себя циника: женщины это любят.

Одна из его любовниц, породистая англичанка **Нэнси Смит**, обозревательница журнала *«Good housekeeping»*, перебралась Бостон, на мыс Код. Курт, на тот момент по уши влюбленный в Нэнси, частенько навещал ее там.

Тогда он и открыл красоту здешних мест: узенький мыс, вдоль которого тянется вереница городков-близнецов справа, а слева - океан. Воздух, крепко настоянный на морских йодистых запахах, опьянял, здесь хотелось дышать полной грудью, и он чувствовал себя свободным, как чайки, парящие над морем.

- Мы переезжаем на мыс Код, Джейн. Там я смогу работать в полную силу, - безапелляционно заявил Курт жене. В их семье, в отличие от дома родителей, все и всегда решал только он. Перед тем, как прийти в отчаяние и ужаснуться, Джейн хватило на великолепную насмешку.

- Ты? Работать в полную силу? Неужели наймешься на ферму?

- Да, дорогая. Доить коров - мое призвание, я понял.

В глазах Джейн, и не только Джейн, а всех их чикагских знакомых - унылых чиновников из «Дженерал электрик» и их еще более унылых жен - Курт выглядел помешанным. У них с Джейн уже трое детей - сын и две дочери, а глава семьи мается дурью, пописывает рассказы, а теперь еще собирается ехать на курорт!

Так они оказались в этом доме в городишке Барнстейбле на мысе Код, выходящем в Атлантику. Роман с Нэнси закончился печально: в тот год к берегу совсем близко подплыли акулы и напали на купавшихся, среди них оказалась и Нэнси.

Предложение, от которого невозможно отказаться

...Время бежало. Или летело? В общем, уже три месяца Воннегут жил в доме один. Несколько раз разговаривал с Джейн по телефону, и она подтвердила, что решила с ним расстаться. На ее решение повлияло и то, что в кармане куртки мужа она нашла письмо от женщины. Джейн давно подозревала, что Курт ей изменяет, а теперь в этом убедилась. Она, наконец, поняла, у каких «родных» он иногда гостил по неделе, на какие «писательские семинары» ездил.

«*Чем ей мешали мои измены?*» - угрюмо думал Курт. Он ведь был не самым плохим мужем. Пусть не испытывал к жене пылкой романтической страсти, но по-своему любил ее. Это история с Марком доконала Джейн. Старший сын был ее любимчиком.

И еще ужасно обидно то, что Джейн считает его бездарным писателем. Кстати, вот письмо из Гарвардского университета. Снова пробежав глазами текст, Воннегут усмехнулся: скажите, пожалуйста! Его, недоучку, приглашают в этот мировой храм науки читать лекции будущим писателям! Бесстрашные люди! Что он может посоветовать будущим писателям? Уносить ноги из Гарварда и, как чумы, бояться подобных лекций!

Вот бы показать письмо Джейн: для нее это было бы аргументом в пользу того, что он все же кое-что стоит. С другой стороны, Джейн можно понять: Воннегутам вечно не хватало денег, и иногда приходило одалживаться у тестя с тещей - у **Коксов** хватило ума не продавать в свое время все драгоценности и картины, как сделала его мать.

...С деньгами особенно приперло после того, как случилось несчастье с семьей сестры. Это было в 1958 году. Воннегут ударил себя по лбу. Точно! Как же он до сих пор не понимал: у двенадцатилетнего Марка, видимо, уже тогда были «голоса».

Той зимней ночью сын явился к ним в спальню с плачем: ему приснился плохой сон, будто сошел с рельсов и загорелся поезд. А наутро в газете они прочли, что выехавший из Нью-Йорка поезд впервые за всю историю Америки сиганул в пропасть с разведенного моста!

Но самая страшная новость заключалась в том, что в поезде ехал Джон Адамс, муж Элис. В это время сама она находилась в больнице на химиотерапии из-за рака груди. Воннегут кинулся звонить врачам, чтобы скрыли от сестры смерть мужа, но Элис уже все узнала из утренних газет. Сестра на следующий день после крушения поезда умерла, оставив сиротами четверых сыновей, младшему из которых был год (его забрала семья Бернарда, старшего брата Курта).

Тогда Воннегут совершил, кажется, единственный в своей жизни поступок, за который Джейн его зауважала: троих старших мальчиков-подростков - **Курта, Джима и Стивена** - он забрал жить к себе вместе с их тремя огромными лохматыми псами.

Элис была такой же демократичной матерью, как Курт - отцом, и если бы детишки пожелали поселить в ее маленьком доме не трех здоровущих псов, а небольшого львенка - она тоже не возражала бы. Так вместо троих детей у них с Джейн образовалось шестеро. Плюс три новых и три своих пса, четыре морские свинки дочек и четыре хомячка Марка.

Вот когда семье Воннегут пришлось по-настоящему туго с деньгами. И у Курта проснулась совесть. Он вспомнил: все писатели, если им не хватает денег, зарабатывают лекциями. Как посмотрела на него жена, когда он сообщил ей, что устроился на преподавательскую работу!

- *Кто же тебя взял? У тебя же нет диплома!* - удивилась Джейн.

- *Ну, не совсем Гарвард,* - замялся Курт. - *Но почти...*

Единственное место на всем мысе Код, куда смог устроиться Воннегут преподавателем английского языка, была школа для умственно отсталых детей в соседнем городишке Хайай. Кстати, там очень недурно платили. Но даже собственные дети Курта, которые всегда были с ним заодно, как-то кисло отреагировали на эту новость.

- *Что я буду говорить в школе, папа?* - возмутилась младшая Нанетт. - *Что мой отец учит дебилов?*

А Воннегут жил со своими «дебилами» душа в душу. Вместо того, чтобы вдалбливать в их головы правила английской грамматики, он играл им на гитаре и пел песни, таскал из дома сладости и подкармливал.

Иногда они *«ходили в музей»* - так Воннегут писал в учительском журнале. На самом деле Курт и пятнадцать его умственно отсталых питомцев ехали в школьном автобусе в самый дальний городок мыса - Провинстаун, злачное место, где селились голубые, педофилы, наркоманы и непризнанные гении. Здесь располагалось самое крупное на мысе казино. Детей туда не пускали, и Курт оставлял их на улице, купив всей компании мороженое, или отправлял посидеть в кафе, договорившись с официантом, что тот присмотрит за его выводком.

Надо отдать должное его детишкам: ни один из них не заложил своего учителя ни родителям, ни в школе. Они обожали его и горько рыдали, когда Курт уволился. А в казино Воннегут обычно играл по-крупному и ставил все, что имел, случались и серьезные выигрыши: однажды Курт сорвал банк - десять тысяч долларов! Все заработанные деньги он честно отдавал семье. До последнего цента. Джейн не за что обижаться на него.

На своих любовниц Курт, кстати, всегда тратил гроши. Порядочные были женщины! Понимали, что связались с многодетным отцом.

Абсолютное соло

...Оставшись один, Воннегут неприязненно прислушался к тишине, стоявшей теперь в доме. Если честно, он не выносил тишины. Любил шум, суету, возню, голоса детей. Но те вырастали, и с каждым годом становилось все тише, и вот теперь здесь настоящая могила.

Эй вы, любители покоя! Это для вас! За все долгие годы, проведенные в этом доме с видом на четыре стороны света - на океан, поле, дорогу и подлесок. - Курт ни разу еще не оказывался тут solo. Работать он почти не мог. Садился за стол в кабинете с видом на море, намереваясь писать, а сам часами смотрел, как чайки ныряют за рыбой. У него стала развиваться навязчивая мнительность: ночью ему чудились голоса, доносящиеся с чердака.

«Не горюй, Марк, дружище, скоро мы с тобой встретимся в одной палате!» — мрачно усмехался Курт.

Он зажигал повсюду свет, спускался в столовую и щедро смешивал свой излюбленный коктейль - водку с мартини. Теперь он напивался каждую ночь и названивал знакомым. Одна актриска из Нью-Йорка заявила: *«Ну, что ты там в берлоге своей сидишь? Спиваешься только. Приезжай, тут клубы, весело».*

Клубы, весело... Ему сколько лет? Сорок восемь. Ну да, он отец шестерых очаровательных деток. Но он еще ого-го! Однако после того как Курт спьяну съездил сам себе по морде и разбил большое зеркало в прихожей, он решил: с такой жизнью пора завязывать!

Прощай, мыс Код! Курт Воннегут - знаменитость, но его жизнь рухнула. Вот так же у него в детстве был большой родительский дом в Индианаполисе, большая семья, а после войны оказалось - никого и ничего. Теперь история повторилась: была огромная семья, домашний очаг, и вдруг опять - пусто. Курт хоть и гуляка, но - семейный, у них в роду все семейные.

Только, чур, не задавать вопросов!

...- *Так вы тоже учились на факультете антропологии, мисс Кременц?* - оживился Воннегут, подливая гостею вина.

- Да, в Колумбийском университете. Здесь, в Нью-Йорке. Я его бросила через год ради фотожурналистики. - Джилл изящно закурила. Курт облегченно вздохнул: курящая женщина действовала на него успокаивающе, как транквилизатор. Джейн все двадцать лет гоняла его курить на улицу, а т.к. Воннегут выкуривает четыре пачки в день, легко подсчитать, что он практически жил во дворе. Не зря собаки держали его за своего.

С этой симпатичной дамой, фотографом журнала «Life» **Джилл Кременц**, Воннегут познакомился около недели назад в театре де Лис в Виллидж - там шла его пьеса «*С днем рождения, Ванда Джун*». Джилл сделала несколько его снимков для журнала и сегодня принесла показать.

Теперь Воннегут занимал просторную квартиру в Манхэттене, на пересечении 60-й улицы и Парк-авеню. Заперев барнстейблский дом до лучших времен, он сбежал от одиночества в Нью-Йорк.

- *Джилл, я хочу вас куда-то пригласить*, - возбужденно говорил в трубку Воннегут своей знакомой через несколько дней, - *только, чур, не задавать вопросов! Оденьтесь в вечернее. И лучше декольтируйте, да, декольтируйте непременно.*

И, не слушая изумленных вопросов, Курт бросил трубку. К назначенному часу Джилл пришла наряженная. Он присвистнул: до чего элегантно выглядит! Темные волосы приподняты, красивые плечи и полная грудь приоткрыты, лаковые туфли на модных шпильках... Сколько ей лет? За тридцать... Лицо породистое, свежее и очень подвижное. Глаза живые, как у ребенка.

Она не рассердится на его выходку? А вот и проверим! Надев темный пиджак, Воннегут потащил Джилл на улицу: «*Опаздываем!*»

Они вышли из такси у Эмпайр-стейт-билдинг. Вокруг скопилось много лимузинов и снова полиция.

- *Куда вы меня тащите, Курт?* - растерялась Джилл.

Они уже входили в здание, где их и других гостей приветствовала высокая статная дама. Джилл всмотрелась и ахнула: это была жена президента Форда! Они вошли в нарядно убранный зал, где был накрыт длинный стол, Воннегут назвал официанту в белом свое имя, и их провели к высоким стульям, над которыми красовались надписи - «мистер Воннегут» и «миссис Воннегут». Официант учтиво отодвинул стул перед Джилл. Та покраснела, замахала руками, но Курт уверенным движением взял ее под руку и почти силой вдавил в стул.

- *Ну, вы и шутник*, - потрясенно повторяла Джилл, вертясь на стуле. - *Что мне теперь делать?*

- *Играть свою роль*, - ответил Курт.

За столом собралось около пятидесяти гостей. Кое-кого Воннегут знал, но большинство лиц были ему неизвестны. Президент Форд с супругой обошли всех с любезными словами.

- *Зачитываюсь «Колыбелью для кошки», мистер Воннегут*, - улыбнулась первая леди, - мечтала познакомиться с вами и вашей милой супругой.

За обедом Курт думал только о том, как Джилл отреагирует на его мальчишескую выходку. Наверное, пошлет его, обормота, подальше. А жаль... Она чем дальше, тем больше ему нравилась. Полная противоположность Джейн - решительная, целеустремленная, чертовски привлекательная... старая дева!

Ни минуты без дела; представить себе Джилл у плиты, или празднично читающей, или коротающей время в кафешке, зацепившись языком с подружкой, было невозможно. Неудивительно, что она сумела стать первой штатной женщиной-фотографом в крупнейшей нью-йоркской газете «Daily Tribune». Целый год провела в воюющем Вьетнаме, сделала несколько первоклассных фотосерий. Интересно, в постели Джилл такая же деловая?!

Прием окончился. Курт и Джилл неторопливо шли по улице в сторону ее дома.
- Должна ли я рассматривать эту ситуацию, как то, что вы сделали мне предложение, Курт? - спросила Джилл, повернувшись к нему.

Воннегут прирос к асфальту, постаравшись скрыть потрясение. Вот это оборотец! Он сделал ей предложение? Да он еще об этом и не думал! А разве это не милый юмор? Не дружеская шутка?

- Разумеется, я сделал вам предложение, Джилл, разумеется.

На следующий день позвонила Джейн.

- Поздравляю, Курт. Но ты мог бы подождать до развода, прежде чем под моим именем водить на прием к президенту своих подруг, - голос Джейн звучал подавленно. - Кстати, если тебе интересно: Марка выписывают. Профессор Ланге вылечил его, говорит, это просто случай неудачной смеси несовместимых наркотиков.

Ура, Марк на свободе! Великолепная новость. И вторая новость, вытекающая из первой, - Джейн, как он понял, не прочь вернуться к нему. И что будет? За двадцать лет все переговорено, отношения стертые до дыр. А из дыр торчат накопленные обиды. И, честно говоря, Курт уже отвык от нее...

А если Джилл не позволит ему бездельничать, спать до полудня, по ночам пить и трезвонить друзьям, внезапно уезжать к однополчанам, молотить вздор, заводить шашни на стороне? Что, собственно, он выигрывает, женившись на Джилл? Живую душу в доме, ласкающий слух грохот сковородок и кастрюль на кухне? Победу над тишиной?

А жизнь, кажется, налаживается....

- У нас будет ребенок, Курт!

Этот восторженный крик Джилл рассеял все сомнения. Боже, он снова станет отцом! Не думал, что это еще возможно! Да ведь это означает, что жизнь только начинается!

Два новых романа Воннегут закончил за считанные месяцы, такой у него был душевный подъем. А сын Марк, который так счастливо выздоровел, решил подорвать отцовский бизнес, подлец! Вдруг написал книгу под названием «*Экспресс в Эдем*» — воспоминания о том, как он сходил с ума, сошел и чего ему стоило вернуться обратно к мир здравомыслящих людей.

Роман Марка немедленно стал бестселлером и по продажам побил даже некоторые его книги! Курт ревновал, конечно, но и гордился. Марк вовсе не собирался идти по стопам отца, продолжая бездельничать и промышлять писульками, - он поступил в Гарвард учиться на педиатра. А это уже для Джейн законный повод гордиться сыном.

Свадьбу Курт с Джилл запланировали сразу после родов. Но на пятом месяце беременности она оступилась на скользкой улице и упала. Произошел выкидыш. Воннегут в ответ запил. Джилл пригрозила бросить его. Он запил еще сильнее. И тогда она уговорила Курта удочерить трехдневную малышку **Лили**: своих детей Джилл больше иметь не могла.

В середине 1979 года Курт Воннегут и Джилл Кременц официально поженились в методистской церкви Христа в Нью-Йорке на Парк-авеню. Потом устроили роскошный праздник в отеле «Ридженси» на двести персон.

В «Ридженси» существовал обычай: если зал в придачу с фирменным тортом заказывали для свадебного банкета, то молодым бесплатно на первую брачную ночь предоставляли номер в отеле. Около полуночи, когда прием закончился, Курт распахнул дверь их роскошного номера. На огромной кровати... миловалась обнаженная парочка. Воннегут отпрянул: он перепутал двери!

Но тут из-под одеяла вывинтился вихрастый парень и усталился на Курта. Немая сцена. Вдруг парень соскочил с кровати, в чем мать родила, и, едва прикрывшись

простыней, стал рыться в тумбочке. Выхватив оттуда книгу, он одним прыжком оказался рядом с Куртом.

- *Автограф, мистер Воннегут! Пожалуйста!*

Новобрачная Джилл хохотала, прислонившись к двери. Глядя на нее, Курт тоже начал смеяться.

P.S. Курт Воннегут счастливо прожил во втором браке до самой своей смерти. Умер пять лет назад, 11 апреля 2007 года, в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Литература

1. **Амусин М.** . Освобождение (К 80-летию Курта Воннегута)/ Марк Амусин//Звезда. – 2002.- №11.
2. **Аствацатуров А.** Поэтика и насилие. (О романе Курта Воннегута «Бойня номер пять»)/ Андрей Аствацатуров//НЛО.- 2002.-№ 58.
3. **Лу Пэгги.** Курт Воннегут. Кризис середины жизни// Караван историй. - 2007- №11.- Стр.208-237

Романы К. Воннегута (в хронологии написания):

1. Утопия 14 (Механическое пианино) (1952)
2. Сирены Титана (1959)
3. Мать Тьма (1961)
4. Колыбель для кошки (1963)
5. Дай вам бог здоровья, мистер Розуотер, или Не мечите бисера перед свиньями (1965)
6. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей (1969)
7. Завтрак для чемпионов, или Прощай, чёрный понедельник (1973)
8. Фарс, или Долой одиночество (1976)
9. Рецидивист (1979)
10. Малый Не Промах (1982)
11. Галапагосы (1985)
12. Синяя борода (1987)
13. Фокус-покус (1990)
14. Времетрашение (1997)